

Л. Г. БРАНДТ

Лютеранство и его политическая роль

<Фрагменты>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая небольшая работа ни в какой мере не претендует на сколько-нибудь исчерпывающее разрешение вопроса об исторической роли лютеранства. Ее задача — дать безбожнику-активисту минимально необходимые знания, без которых борьба с этой, довольно сложной, формой религиозной идеологии невозможна. А эта борьба, особенно в условиях Ленинградской области, не только насчитывающей значительный процент лютеранских нацменьшинств, но и граничащей с лютеранскими лимитрофами, чрезвычайно важна.

Именно поэтому мы сочли необходимым не ограничиться только изложением современной вредительской роли лютеранства, но и дать очерк по его истории, остановясь на вопросах догматики и оргструктуры лютеранской церкви.

Полное отсутствие марксистской литературы (кроме немногого, написанного самим Марксом и Энгельсом) по вопросам лютеранства заставило пользоваться исключительно материалами сочинений как лютеранских, так и православных богословов.

Кроме этого, использованы документы Лютеранской генеральной консистории, хранящиеся в ЛОЦА, данные советской и германской (буржуазной и коммунистической) прессы, а также сведения, полученные от товарищей, ведущих антирелигиозную и вообще политическую работу среди национальных меньшинств. <...>

ЛЮТЕРАНСТВО В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

<...>

Само собой разумеется, что лютеранская религия, как идеология собственника-эксплоататора, была резко враждебна революции.

Само собой разумеется, далее, что лютеранская церковь, являясь частью госаппарата, приспособленной для угнетения трудящихся национальных меньшинств, должна была вести контрреволюционную борьбу со всей энергией. Следует, однако, иметь в виду, что в отличие от Германии контрреволюционная работа лютеранства в России в меньшей мере была направлена на борьбу против рабочих, главным же образом она имела в виду крестьян. Это станет понятным, если учесть, что лютеранство в России было в первую очередь орудием помещичьего господства и что наибольшими районами его распространения были так называемые немецкие колонии и Прибалтийский край. Рабочих-лютеран на предприятиях Петербурга и Москвы было сравнительно немного. Большинство лютеран Петербурга составляли буржуазия, буржуазная интеллигенция и мещанство. Из сказанного не следует, конечно, что лютеранство к рабочему движению относилось безучастно; оно, конечно, заняло по отношению к нему враждебную позицию и не могло ее не занять, но борьба против рабочего движения была в первую очередь задачей православия как религии большинства рабочего населения.

<...> На заседаниях синода Петербургской консистории от 24 апреля 1913 г. суперинтендант Пенгу¹ (Pingoud) в присутствии генерал-суперинтенданта Фрейфельдта² сделал доклад, в котором говорил: «У нас, пасторов, существует двоякая любовь к своей пастве: любовь к бедным носит официальный характер, она черства и бездейственна, тогда как наша любовь к богатым лстива и активна. Все пасторы дрожат за свои места, никто из нас не хочет терпеть во имя Христа». Практические предложения Пенгу сводились к тому, что «пастор должен принимать более активное участие в личной, домашней жизни своей паствы, в особенности же интересоваться беднотой, утешать ее, наставлять ее в слове Божиим, а не думать только о быстрой карьере».

<...> Лютеранская религия приспособливается к изменившимся в связи с развитием капитализма социальным условиям. Если лютеранство до 1905 г., в первую очередь служило помещику, то оно, принимая к исполнению доклад Пенгу, становится на службу буржуа и начинает ориентироваться на кулака. Тот же доклад Пенгу отмечает необходимость углубленных занятий лютеранской догматикой. Правда, он остается на позиции Лютера в оценке науки: «В научной жизни не существует ничего, кроме фикций», утверждает лютеранский мракобес 1913 г. (сравни лютеровское

изречение: «Разум — блудница дьявола»). Но, наряду с этим, в его докладе проглядывает очень нужный в новых условиях классовой борьбы «богословский либерализм». Доклад выдвигает на первый план вопрос о Боге, отодвигая на задний план вопрос о Христе. Догмат троичности подлежит, по мнению Пенгу, новому разрешению («Wir müssen uns immer mehr der Gottesfrage zuwenden, während die Jesusfrage mehr zurücktritt. Das Trinitätsdogma muss neu gelöst werden»). Очень характерно, что «либеральное» лютеранство, хотя и в незаконченном виде, скорей в виде немецкого «посредствующего богословия», проникает в Россию спустя лет 40–50 после Германии. Социальные условия, схожие с теми, которые его создали в Германии 60-х — 70-х гг., создают его в России начала XX века. Буржуазии эпохи империализма, имеющей против себя *грамотного* рабочего и *грамотного* крестьянина, нужен либеральный поп, умеющий обманывать тонко и умно. Так готовилась лютеранская поповщина к новым классовым боям.

ЛЮТЕРАНСТВО И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

От этих «теоретических» занятий поповщина была отвлечена империалистической войной. Война поставила перед ней две задачи: прежде всего, как и всякая религия, лютеранство должно было эту войну оправдать в глазах трудящихся и убедить солдат в необходимости драться за Бога, царя и отечество. Но перед ней стояла и другая, более трудная, чем для лютеранства в Германии, задача. Ведь 75% паствы лютеранских попов в России составляли немцы по национальности. Попы на протяжении ряда веков, правда, внушали пастве «безграничную» преданность царю, особенно ярко проявившуюся в дни романовского юбилея в 1913 г. «Мы должны быть верными царю до мозга костей», — говорил тогда один из лютеранских «златоустов», пастор Рейнталь. Но, наряду с преданностью царю, лютеранская церковь всегда кичилась своей немецкой национальностью и усиленно, хотя и осторожно, внушала мысль о преимуществе немецкой культуры над всеми другими. В Прибалтийском крае, где поп был на службе у немецких баронов, это делалось далее без особой осторожности, особенно по отношению к латышским и эстонским крестьянам. Теперь, когда началась война, лютеранство должно было не просто служить интересам империализма, а именно русского империализма, дравшегося с немецким. Стало быть, мало было внушить солдату-

немцу, что нужно драться за царя, нужно было его убедить еще в том, что он должен драться отнюдь не за немецкого, а именно за русского, — не лютеранского, а православного царя. Для этого Генеральной консисторией был разослан циркуляр, обязывавший лютеранское духовенство разъяснять, что «данная война начата германским императором против воли Божией и что война против Германии является поэтому войной справедливой».

<...> Но все это плохо удавалось. Лютеранство, благодаря его тесной связи с жившими в России немцами, игравшими в ней главную роль, переживало во время войны кризис. Поддерживавшие его немецкие фирмы были разорены, бароны явно ориентировались на Германию, русская буржуазия сводила под шовинистический аккомпанемент счеты с конкурентами-немцами, а правительство пыталось отвести недовольство масс войной с помощью организации «патриотических» немецких погромов. Все это отражалось и на материальной базе лютеранской церкви, и на ее авторитете. Ее социальная основа еще более сузилась, когда Курляндия и большая часть Лифляндии были оккупированы германскими войсками. Ей пришлось искать новых хозяев и приспособливаться к ним свою идеологию. Мы в предыдущей главе уже указывали на все возрастающее влияние буржуазии в лютеранской церкви. Теперь лютеранство почти порывает с дворянством и ориентируется не столько даже на буржуазию городскую, сколько на буржуазию сельскую — на кулака. Лютеранские приходы Петербурга и Москвы приходят в упадок; в то же время относительно крепнут приходы сельские: немецкие и финские, в меньшей мере — латышские и эстонские.

<...> В дальнейшем лютеранская церковь принялась за осуществление реорганизации на началах «выборности», чего требовал кулак и чему до Февраля препятствовала монархия. Временное правительство, как отмечено в протоколе синода от 4 июня 1917 г., к такой реорганизации путем созыва Всероссийского съезда (Generalsynode) «отнеслось сочувственно». На местных синодах («Московский синод» 1917 г.) выдвигается идея «взаимопроникновения» (gegenseitiges Durchdringen) народа и церкви, без теснейшей связи о государством. Но здесь же делается оговорка: «Порывать отношений к государству не следует, так как *государственные субсидии желательны* (курсив мой. — Л. Б.).

Временное правительство, однако, не ко всем начинаниям лютеранства относилось «сочувственно». Национальная политика его ничем не отличалась от царской, и оно стояло стойко на страже

интересов «господствующей» Православной церкви. Поэтому, когда консистория обратилась к правительству с просьбой, нельзя ли в согласии с провозглашенным принципом свободы вероисповедания крестить рожденных от «смешанных» браков детей не по православному, как это требовалось царскими законами, а по лютеранскому обряду, Временное правительство в лице министра внутренних дел, *меньшевика* Церетели, ответило, что свобода — свободой, а царские законы никем не отменены, и поэтому «надлежит руководствоваться существующими положениями». Так меньшевики защищали прерогативы православия. Датировано письмо Церетели 12 июля 1917 г. Это было вскоре после июльских дней; буржуазия тогда в поддержке Православной церкви в борьбе против нараставшей пролетарской революции особенно нуждалась. Ни одна из намеченных лютеранской церковью реформ не была осуществлена при Временном правительстве. Наступил Октябрь.

ЛЮТЕРАНСТВО В ОКТЯБРЬСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ И ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

<...>

Пролетарскую революцию лютеранство приняло в штыки. Консистория заявила «протест» против декрета об отделении церкви от государства в части, касающейся национализации церковных имуществ. Попы громили в церквях «безбожных большевиков», нарушавших «законы божеские и человеческие». Но особый интерес представляет адрес, поднесенный Генеральной лютеранской консисторией «от имени всех последователей протестантского (так она себя в этом случае величала) вероисповедания» патриарху Тихону. В этом адресе высказывались надежды, что поправленные «христианские» начала «права и справедливости восторжествуют», и заявлялось, что лютеранская церковь вполне солидарна с Тихоном, только что перед тем выпустившим свою знаменитую «анафему».

<...> Потеряв своих старых господ, не успев еще как следует выполнить социальный заказ нового господина-кулака и реорганизоваться в соответствии с его требованиями, лютеранская церковь ищет опоры там, где ее искали в то время все контрреволюционеры: в православной церкви. Никаких практических последствий для лютеранской церкви этот адрес, однако, не имел. Генеральная консистория уже в марте 1918 г. распалась, так как входившие в ее

состав бароны и сенаторы эмигрировали. Германская оккупация Лифляндии и Эстляндии, а затем образование на их территориях самостоятельных государственных организаций довершили развал лютеранства. Остались отдельные лютеранские приходы, никем не объединяемые и не руководимые. В Петербурге они в связи с уничтожением хозяйничавшей в них буржуазией приходят в полный упадок и кое-как поддерживаются обломками буржуазной интеллигенции и мещанством. В деревне приходы руководятся кулаками, которые, конечно, не только финансируют их, но и используют политически. Это политическое использование свелось на Украине и Северном Кавказе к прямой поддержке лютеранством белогвардейских банд. Лютеранские церкви стали в немецких колониях центрами не только контрреволюционной пропаганды, но и организации вооруженных отрядов для борьбы с Красной армией.

<...> Всюду пасторы встречали белогвардейцев с распростертыми объятиями и молились за Деникина, Колчака и особенно за «немца» Врангеля.

Что касается, наконец, финских, эстонских и латышских приходов нынешней Ленинградской области, то пасторы в огромном большинстве открыто выражали симпатии белофиннам, белоэстонцам и Юденичу. Последнего лютеранская поповщина всюду приветствовала как избавителя. В Пскове, находившемся длительное время в оккупации германской военщины, лютеранские попы сразу спелись с оккупантами и вместе с ними ушли оттуда. Этими подвигами характеризуется отношение лютеранства к Октябрю.

ЛЮТЕРАНСТВО В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Эпоха нэпа, вызвавшая «смену вех» со стороны буржуазной интеллигенции, кулачества и нэповской буржуазии, вызвала «смену вех» и со стороны их идеологов, в частности со стороны лютеранской церкви. Лютеранская поповщина, как и православная, «признала» Советскую власть. Признала, конечно, в той мере и постольку, поскольку ее «признал» кулак и нэпман.

Окончательно растерявшая за время Гражданской войны своих старых заказчиков и кормильцев, лютеранская церковь должна была теперь немедленно осуществить ту программу реорганизации, которая была ею намечена еще до 1917 г. Вместе с тем эпоха пролетарской диктатуры требовала пересмотра и лютеранской идео-

логии. Учение о царе как главе церкви стало явно невозможным. Но в условиях пролетарской диктатуры нельзя было оставить также и пункты о безусловном повиновении и содействии правительству и, в особенности, о праве его «убивать». Нужно было пересмотреть и самую догматику. Если этот вопрос выдвигался еще в 1913 г., то тем более он назрел теперь. Политически и культурно возросшие в революционные годы крестьянские массы никак нельзя было больше убеждать в непогрешимости библейских истин даже в «либеральном» толковании. Нужно было создать видимость «единения религии с наукой».

Наконец, лютеранство не могло отнестись безразлично к росту безбожия, к начавшемуся массовому отходу от церкви, особенно со стороны молодежи. Комсомол и пионерские организации испортили лютеранским попам немало крови. Поэтому перед лютеранством стояла задача и пересмотра своей тактики и методики пропаганды.

Была и еще одна задача. До революции руководство всей лютеранской церковью находилось в руках немецкой буржуазии, особенно немецкого дворянства. Изменившиеся условия, в частности национальная политика Советской власти, сделали «немецкую» идеологию лютеранства невозможной. Приспособление к советской действительности требовало такой организации церкви, которая давала бы церковную «автономию» и другим нацменьшинствам, т. е. латышам, эстонцам и финнам; этого требовали и кулаки этих национальностей.

Но прежде чем осуществить всю эту программу, нужно было подсчитать свои разгромленные революцией силы и собрать их. Это было сделано в 1923 г. когда на Всероссийском съезде Лютеранской поповщины (Generalsynode) генеральным синодом был принят новый устав лютеранской церкви. Отличие этого нового устава от дореволюционного состоит в следующем.

1) В основу церковной организации положен принцип выборности. Приходские собрания выбирают приходский совет, местные (окружные) синоды (съезды) — совет пропста, генеральный синод (Всероссийский съезд) — высший церковный совет (Oberkirchenrat). Срок избрания — 6 лет. На съездах участвуют «миряне» и пасторы. Пасторы также выбираются приходом и утверждаются высшим церковным советом. Консистории — уничтожены. Так был осуществлен принцип «взаимопроникновения» церкви с «народом» на началах кулацко-поповской «демократии». Крупнохуторская

система ведения хозяйства в немецких, эстонских и латышских колониях способствовала укреплению религии. «Кулачество явилось главной опорой лютеранства», правильно отмечает II съезд СВБ (Резолюции съезда, с. 33). Действительно, в приходских советах кулачество стало играть главенствующую роль, а стало быть, играло ее и в центральных органах лютеранской церкви.

2) Ввиду недостатка пасторских «кадров» и отсутствия «богословских» университетов от требования университетского образования пасторов пришлось отказаться. По новому уставу (ст. 27) пасторы избираются из числа лиц, окончивших соответствующий семинарий и сдавших коллоквиум. Однако число лиц, желающих посвятить себя пасторской деятельности, таяло с каждым годом. Поэтому, наряду с приходскими пасторами, были учреждены особые разъездные пасторы, обслуживающие несколько приходов, собирающие с них дань во время гастролей.

3) Титул «епископа» сохранен. Этот титул предоставляется генеральным синодом как особая «честь» наиболее заслуженным попам. Этой чести удостоились попы Мальмгрен³ и Мейер⁴. Подобно двум консулам в Древнем Риме, сии доблестные мужи управляют совместно делами лютеранской церкви. О них *персонально* упомянуто в уставе, причем на Мальмгрена возложено представительство лютеранской церкви при переговорах с правительственными и другими организациями и лицами, а на Мейера — руководство лютеранской поповщиной. Это разделение труда вызвано, надо думать, не только опасениями перегрузки почтенных епископов, а и более «деликатными» соображениями.

4) Вопрос о лютеранских «нацменьшинствах», т. е. латышах, финнах и эстонцах, разрешен уставом в том смысле, что им организованы особые церковные управления для лютеран этих национальностей, а именно: «Suomolainen Konsistorio» для финнов, «Latweeschu Lut. Basnizas Wirswalde Kreeviga» для латышей и «Uolem Kiriku Nõukoga» для эстонцев. Являясь автономными церковными организациями, они согласуют, однако, свою работу с обер-кирхен-ратом (высшим церковным советом) и получают директивы от «епископов».

5) Наибольший интерес представляют, конечно, те изменения, которые внесены новым уставом в вопрос об отношении к правительству. Мы видели, как лютеранство в продолжение всей своей многовековой истории выдвигало, в зависимости от соотношения классовых сил и создаваемой им политической обстановки, то од-

ну, то другую сторону учения Лютера. Не будем забывать того, что лютеранство возникло как религия и протеста и его подавления. В нем выдвинут и принцип свободы индивидуальной веры и принцип авторитета Библии. Соответственно с этим лютеранство может рекомендовать себя и в качестве «слуги государства» и в качестве «свободного общества верующих». Само собой разумеется, что современный устав лютеранской церкви остановился на втором толковании.

Лютеранство провозглашено (ст. 1) «свободным обществом верующих евангелически-лютеранского исповедания». Отсюда вытекает и следующая инструкция пасторам: «заниматься исключительно религиозными вопросами, держась в стороне от всякой политики» (Sich von jeder Politik fernhalten). Не требует особых пояснений, что «свободное общество», держащееся «в стороне от политики», есть общество, желающее быть «свободным» от пролетарской диктатуры и «держаться в стороне» от советской политики; вспомним, как не желало лютеранство «освободиться» от субсидий Временного правительства. <...>

Переходя к методам работы лютеранства и его тактике в восстановительный период, необходимо прежде всего отметить, что лютеранская церковь, как все религиозные организации, развертывала свою деятельность не только вполне легально, но и довольно энергично. Старый текст Конституции РСФСР и УССР, предоставлявший не только свободу вероисповедания, но и свободу религиозной пропаганды, открывал к этому возможность, а нэпман в городе и кулак в деревне эту возможность, насколько возможно, широко использовали. Нужные для пропаганды средства поставлял тот же нэпман и кулак; кроме того, конечно, производились всякого рода сборы с верующих.

Следует при этом иметь в виду, что лютеранские приходы Ленинграда вели, само собою разумеется, работу другими методами, чем сельские приходы. Это потому, что и социальный состав этих приходов и круг интересов прихожан очень различны. Маркс определил религию как «самосознание и самочувствие человека, который или еще не отыскал себя, или снова уже потерял себя». Членами лютеранских организаций Ленинграда являются большею частью люди второй категории, тогда как в сельских приходах преобладают первые. В этом убеждают данные о социальном и возрастном составе двадцаток и данные о посещаемости лютеранских церквей. Назовем для примера состав двадцатки⁵

в Ленинградской Екатерининской церкви на Васильевском острове (Katharinenkirche). Оказывается, что она состоит из 3 кустарей, 5 домашних хозяек, 2 служащих, 1 учительницы (!), 1 рабочего, 3 бывших торговцев и 5 подозрительных «безработных». Возрастной состав ее такой: 16 человек в возрасте свыше 50 лет (10 — свыше 60); 2 — свыше 40 и 2 свыше 30. Аналогичная картина и в других церквях. Посещают церкви люди тоже по большей части близкие к этой двадцатке.

Другая картина — в сельских районах. Здесь в двадцатках преобладают «крестьяне». Церковные столы адмотделов, к сожалению, не удосужились при регистрации определить социальное лицо этих «крестьян», но имеющиеся неофициальные данные с несомненностью говорят, что в восстановительный период это были по большей части крестьяне зажиточные, в их числе значительный процент кулаков и ремесленников. Посещала церкви и беднота, преимущественно женщины. В соответствии с этим строились и методы работы лютеранских попов.

В городе богослужение сопровождалось концертами, причем исполнялась отнюдь не только культовая музыка, а и музыка светская. Культовая музыка, в свою очередь, не замыкалась в рамки лютеранской музыки (Бах): исполнялись произведения Моцарта, Бетховена (католические реквиемы и мессы), Львова, Бортнянского (православная культовая музыка). В концертах, устраивавшихся как в церкви Петра, так и в церкви Екатерины, принимали участие хор Академической капеллы, оркестр Советской филармонии и солисты Государственного театра оперы и балета. Все это давало лютеранской поповщине весьма солидный доход. Концерты эти устраивались иногда и вне богослужений и собирали значительное количество слушателей; после концертов, как гласили афиши, происходил «сбор на покрытие налогов».

Здесь мы видим широко поставленный художественный метод религиозной пропаганды. Было бы, однако, ошибочным думать, что религиозные концерты ориентировались только на «бывших людей» и на нэпманов. Они привлекали слушателей и из числа трудящихся и далеко не одних лютеран.

В деревне поповщине пришлось, конечно, за отсутствием столь широких возможностей прибегнуть к иным формам воздействия. Здесь преобладающим методом пропаганды оказалась пропаганда индивидуальная. Путем посещения отдельных крестьянских семей, путем бесед с крестьянами, особенно женщинами, пасторы

пытались поднять и укрепить авторитет церкви и подчинить своих собеседников влиянию заседавших в приходских советах кулаков. Женщинам при этом проповедовался старый кулацко-поповский идеал: «церковь, дети, кухня». <...>

Велась и индивидуальная работа, и притом очень энергичная, среди бедноты. Дело не ограничивалось пропагандой словом. Во многих сельских лютеранских приходах устраивались «кассы взаимопомощи» (на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье), через посредство коих беднота кредитовалась кулачем и поповщиной и тем самым оказывалась у них в экономической зависимости. Так создавался «базис» для идеологического воздействия. Обосновывались эти финансовые операции, конечно, библейскими текстами о «любви к ближнему».

Особое внимание было обращено на молодежь. Организовывались молодежные кружки, причем они отнюдь не ограничивали круга своих занятий чтением Библии или «душеспасительными» беседами. С каждым днем отходившую от церкви молодежь нужно было попытаться привлечь новыми способами, более соответствующими ее интересам и запросам. Для этого устраивались занятия спортом, рукоделием, музыкой, пением, читалась и «светская» литература соответствующего содержания, которой молодежь снабжалась из библиотек, имевшихся в распоряжении пасторов. <...>

У лютеранской церкви была еще одна немаловажная работа — это подготовка поповских кадров. Мы выше уже отмечали, что отсутствие кадров с богословским «высшим» образованием заставило лютеранскую церковь удовлетвориться пасторами, окончившими особый семинарий, который и был организован в Ленинграде. Этот семинарий привлек, однако, не слишком много слушателей. В нем обучались всего 10 человек. До 1929 г. семинарий помещался на частной квартире; в связи с острым недостатком жилплощади он вынужден был уехать. Его приютило в своих стенах финское консульство.

Следует, наконец, отметить, что лютеранская церковь вплоть до 1929 г., т. е. в течение всего восстановительного периода, издавала свой официальный орган — журнал «Унзере кирхе» (Unsere Kirche, т. е. наша церковь). Этот журнальчик не только давал директивы пасторам, но и помещал статьи «религиозно-нравственного» содержания и методические разработки поповских проповедей. Нет надобности приводить выдержки из печатавшихся в нем статей: установка всех их почти тождественна. Она заклю-

чается в призывах к «благочестию» и религиозности в «наш век растущего безбожия». Но эти призывы не привели к желательным для пасторов и их покровителям результатам. Отход от лютеранства крестьянских масс еще в годы Гражданской войны продолжался. Быстро росло безбожие среди молодежи бывших немецких колоний. Что касается взрослого населения, пожилых крестьян, то здесь следует указать, что развал лютеранства происходит не только за счет роста безбожия, но и за счет роста сектантства. «Либеральное» богословие с его учением об оправдании индивидуальной веры и с его «критикой» Библии оказалось палкой о двух концах. Полностью отражая индивидуалистическую психологию мелкого собственника и широко используемое кулачеством, оно в условиях СССР оказалось, как мы видели, к тому же единственно возможной формой маскировки лютеранства. Но оно же привело и к разложению лютеранской церкви.

Принцип «индивидуальной веры» привел, с одной стороны, к сближению части лютеран с теми сектами, которые основывают свое учение на том же принципе и которые проводят его более последовательно, чем лютеранство. Поэтому та часть лютеран из числа как крестьян, так и городского мещанства, которая, не порывая пока с религией, искала в церкви не только пассивного восприятия проповедей пастора, а активного участия в богослужении, — переходила к сектантам, чаще всего к баптистам и адвентистам.

С другой стороны, наблюдается процесс внутреннего распада лютеранства. Образовалась так называемая «свободная церковь» (Freie Kirche), своего рода лютеранская беспоповщина, которая очень близка к баптизму, от которого она отличается только несущественными догматическими различиями. Она в еще большей степени, чем официальное лютеранство, обеспечивает свободу влияния кулака. В «свободной» церкви каждый желающий может выступить с проповедью. Такая «демократизация» лютеранства — кстати сказать, недостаток пасторских кадров ей объективно содействует — делает кулака не только идейным вдохновителем церкви, но и ее непосредственным агитпропом. Мы увидим, что в эпоху реконструкции «свободная церковь» в еще большей мере пригодилась классовому врагу.

Но принцип «индивидуальной веры» и критическое отношение к Библии привели к другим последствиям. Если эта критика, как мы видели, не переросла в условиях капитализма в критику религии, — на страже религии там стоит эксплуататорское государство

и его церковь всех оттенков, не исключая самых либеральных, — то в условиях диктатуры пролетариата, при наличии не только «рационалистической», но и систематической материалистической, научной критики Библии она неизбежно переходит в критику религии. Вот почему нельзя не согласиться с II Всесоюзным съездом СБВ, который в своей резолюции по национальной работе (раздел VI) отметил, что в лютеранстве «христианская система религиозного мировоззрения подвергнута наибольшей критике». Отсюда развал лютеранства не только как церковной организации, но и как религиозной системы.

ЛЮТЕРАНСТВО В РЕКОНСТРУКТИВНЫЙ ПЕРИОД

<...>

Уничтожая мелкое крестьянское хозяйство, повышая сельскохозяйственную технику и, главное, ликвидируя кулачество, коллективизация тем самым выкорчевывает и корни религиозности. Успехами социалистического наступления объясняется и успех антирелигиозной работы и дальнейший развал лютеранства.

Но вместе с тем успехи социализма вызвали бешеное сопротивление со стороны кулачества, которое, как везде и всюду, так и в нацменовских районах, избрало религию, в данном случае лютеранскую, в качестве орудия своей контрреволюционной борьбы. Лютеранство с его проповедью индивидуализма, с его учением о защите частной собственности ближнего, с его «протестантским» характером в этом отношении оказалось для кулачества идеологией вполне подходящей. Внутренние противоречия лютеранства, о которых мы не раз говорили, ведут, с одной стороны, к его развалу и облегчают борьбу с ним, но с другой — они же используются кулачеством в своих целях. Кулачество использует лютеранскую свободу веры, лютеранский индивидуализм в качестве оружия против коллективизма, против единства материалистического мировоззрения, либеральный критицизм — для контрреволюционной «критики» социализма. Но ведь оружие критики сплошь да рядом переходит в критику оружием. И в этом отношении лютеранская «критика» социализма исключения не представляет. Говорят, что мухи кусаются осенью. Кулацкая «осень» тоже, как нам известно, характеризуется попытками «укусов» с его стороны. И наблюдающееся в реконструктивный период, в период социализма усиление активности религиозных организаций, в том числе и лютеранской

церкви, как нельзя лучше отображает эти кулацкие «укусы». Поповщина, верный пес эксплуататора на протяжении веков, служит ему последнюю службу, тормозя по мере сил и умения социалистическую стройку и вредя ей словом и делом.

<...> Близость лютеранской церкви к международному фашизму и, в частности, к фашизму германскому выявилась также в деле пропаганды ею эмиграции в Германию, куда они советовали ехать, чтобы «спастись» от коллективизации. Правда, агитация за массовый выезд в Германию главным образом велась меннонитскими проповедниками, но не отставали и лютеранские попы. Пользуясь религиозностью отсталой части крестьянства и играя на неизжитых еще ею собственнических интересах, попы пытались сорвать социалистическую реконструкцию сельского хозяйства путем эмиграции. При этом они всемерно разжигали национальный немецкий шовинизм, доказывая, что в Германии «ваши братья по крови и вас в обиду не дадут».

<...> Перемена тактики, переход от открытого вредительства к скрытому, от явного показа классового лица к его маскировке, сказалось и в своеобразном «выдвиженчестве». Подобно другим религиозным организациям и лютеранские церковные общины выбирают в члены и, в особенности, в председатели двадцаток приходских советов бедняков, батраков и колхозников, в городах пытаются найти для этих «почетных» должностей кандидатов из числа рабочих. Далеко не всегда это удается — верующий да еще активно верующий колхозник или рабочий становится с каждым днем все большей и большей редкостью, но иногда поиски поповщины приводят к результатам. Правда, эти результаты невелики. Мимикрия здесь слишком очевидна, и обмануть массы с помощью перекрасившегося под «бедняка» кулака, называвшегося «рабочим» кустаря, далее с помощью отдельных подкулачников или политически неразвитых колхозников попам удастся плохо.

<...> Методы работы сегодняшнего дня — это преимущественно индивидуальная пропаганда и проповедь в церкви. При этом отмеченный уже недостаток поповских «кадров», сказавшийся еще сильнее в связи с участвовавшими случаями снятия сана, заставил лютеран прибегнуть к следующим мероприятиям. Широкое распространение получил институт «разъездных» пасторов, обслуживающих иногда даже целый ряд районов. Пасторы-гастролеры, наезжающие время от времени для сбора «дани» и наставления своей редющей паствы, зачастую изгоняются колхозниками.

Но бывает и удача. Наибольшее внимание пасторами уделяется конфирмационным гастролям. О сущности конфирмации мы говорили выше. Слишком очевидно, что вред ее в условиях социалистического наступления, в условиях колхозных еще больший. Учить Лютерову катехизису колхозную молодежь — значит воспитывать ее в антисоветском духе. Вот поэтому-то пасторы, несмотря на категорический запрет закона (ст. 17 и 18 закона 8 апреля 1929 г.), так налегли на конфирмационную работу. Все еще находятся, немногочисленные правда, группы молодежи, преимущественно женской, отдающие дань этой лютеранской традиции и попадающиеся на удочку поповщины, которая привлекает девушек внешней торжественностью конфирмационного обряда. В особенности рьяно принялись за конфирмацию финские попы. В Куйвозовском и Красногвардейском районах они ее проводят в массовом масштабе.

В целях сделать богослужение возможно «интереснее» применяется «обмен» пасторами. Так, ленинградские попы ездили в апреле 1931 г. на Волгу, а волжские приезжали в Ленинград. В Екатерининской церкви проповедовал пастор Гюнтер из Зельманского кантона АССР немцев Поволжья. О его прибытии было заранее объявлено, как о гастролях модного тенора. В ту же церковь приезжал пастор и из Евпатории. Таким путем поповщина, памятуя, что «нет пророка в своем отечестве», поправляет свои все больше приходящие в расстройство денежные дела.

Пасторы становятся полиглотами, т. е. «многоязычниками». Это относится главным образом к Ленинградской области с ее многонациональным составом населения. Так, пастор Шульц ведет работу на немецком, эстонском и финском языках, пастор Миглас — на латышском, немецком, русском и эстонском. При этом следует отметить, что полиглоты ведут свою вредительскую работу с учетом национальных особенностей каждой нации, проповедуя шовинизм среди каждой из них.

Практикуется богослужение без пасторов. Верующие в порядке очереди читают полагающиеся молитвы и говорят проповеди на одобренные пастором темы. Этот последний метод работы сближает лютеранство со «свободной церковью», упоминавшейся нами выше, а также с сектантством.

Развал религии и рост безбожия вообще приводит к объединению между собой отдельных далее конкурирующих между собой религиозных организаций. Если на Западе для борьбы против

пролетарской революции под главенством папы объединились церковники всех мастей, то аналогичное явление мы наблюдаем и в СССР, где все религии ведут борьбу против социализма. Сблизились между собой и лютеранство и баптизм. Это сближение появляется не только в форме богослужений, но в совместном пользовании молитвенными зданиями, в посещении лютеранами баптистских собраний, против чего пасторы не возражают, а также в совместном обсуждении вопросов религиозной тактики.

Несмотря на новую тактику, развал лютеранства, однако, продолжается и идет по указанным выше путям. Наряду со «свободной церковью» организовались в Поволжье так называемые «пляшущие братья» (Tanzbrüder), своего рода лютеранское хлыстовство, отражающее упадочнические настроения тех, «кто уже потерял себя». Вред этих «танцоров» в том, что их танцы привлекают порой и молодежь. И в этой форме также проявляется желание кулачества подчинить своему влиянию смену и тем оторвать ее от активного участия в социалистической стройке.

Иные методы работы применяют «крейцлеры» (Kreuzler) или «иоганнестальцы», объявившиеся в немецких колониях Сибири. Эти лютеранские сектанты пытаются организовать особые религиозные артели, противопоставляя их колхозам.

Отсутствие пасторов содействовало также и образованию таких сект, как абендликтеры (Abendlichter) и бетбрюдеры (Betbrüder), которые в последнее время объявились в немецких районах УССР. Первые собираются на частных квартирах по вечерам (отсюда и их название) и по существу мало отличаются от евангелистов. Основное их занятие — антиколхозная пропаганда. Вторые — бетбрюдеры — «молящиеся братья» — являются собственно не сектой в обычном смысле этого слова, а лютеранским церковным активом, оставшимся за отсутствием кулаков — немецкие районы УССР коллективизированы на 95–96 % — и пасторов без руководства; они делают отчаянные попытки удержать колхозников на позициях лютеранства, организуя для этого молитвенные собрания и посещая отдельных колхозников на дому, но результат их возни невелик. <...>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели историю лютеранства от его колыбели до наших дней. Мы видели, что оно, как и всякая религия, всегда играло в высшей степени реакционную роль и служило интере-

сам эксплуататорских классов. Наряду с этим возникновение лютеранства на почве протеста против феодальных отношений сохранило в нем известный критицизм. Вся история лютеранства представляет собой дальнейшее развитие, на базе общественно-экономических явлений данной эпохи, двух его основных направлений, ортодоксально-авторитарного и критического.

Однако было бы глубоко неверным предположить на этом основании, что лютеранство *по существу* чем-либо отличается от других религиозных систем. Его отличие от других христианских систем, в частности от католической, из недр которой оно родилось, и православной — лишь в тактике и методах его работы. Лютеранство никогда и нигде не проявляло своего протеста против эксплуатации. <...>

Борьба против лютеранства как против звена единого фронта капитализма и поповщины имеет тем большее значение, что лютеранские центры недалеко от наших границ. Уничтожая лютеранство, мы уничтожаем агентуру не только кулака, но и международного капитала. Борьба против него должна вестись упорно и энергично в первую очередь самими трудящимися массами — немцами, эстонцами, латышами и финнами — как по эту, так и по ту сторону советской границы. *Борьба против религии — борьба за социализм*⁶.

